

Галина Алексеева

(Владивосток)

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПЕВЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ XII в. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУР

Научное восприятие музыкального наследия древней Руси достаточно длительный период формировалось под флагом копирования русскими византийских церковно-певческих традиций. И действительно, русские ученые признавали византийские корни письменной древнерусской традиции. Отрицать эти корни не приходится. Вместе с тем, все ученые, начиная с Дмитрия Васильевича Разумовского, сознавали неизбежность самостоятельных реакций русских музыкантов на византийское певческое наследие.

Так, Д.В.Разумовский, подчеркивая славянскую национальность первых певцов Русской Церкви, присланных из Константинополя, писал: "Каждая Христианская церковь имела свою особенную крюковую систему нот и развивала ее по своим народным понятиям с определенной постепенностью"¹.

Не повторяя всю историографию вопроса, подробно описанную в монографии автора настоящей статьи "Проблемы адаптации византийского пения на Руси"², лишь подчеркну, что сегодня в науках, изучающих византийско-русские связи — в истории, в спектре филологических наук, — сформировалось устойчивое представление о не трансляционной, а адаптационной природе этих связей, которые в большей мере, чем принято считать, носили характер подлинного творческого взаимодействия.

Ситуация одновременности продвижения разных наук в осознании адаптационных процессов сложилась потому, что история, филологические науки давно сформировали свои методы осознания подобных процессов, в то время как музыкальная медиовистика подобралась к ним относительно недавно.

Вместе с тем, нельзя не сознавать тот факт, что устойчивое стремление зарубежной науки оттеснить на второй план понятие русской цивилизации, выражающееся в издании многочисленных музыковедческих расшифровок и филологических опусов, отвергающих саму возможность русской певческой самостоятельности с XII в. (К.Флорос, Н.Ульф-Мюллер), формирует в мировой научной среде искаженное представление о первых шагах древнерусской певческой культуры.

Задача данной статьи — разъяснить методiku выявления русской самобытности в ранних певческих рукописях, предложенную нами в указанной выше монографии, и показать те черты самобытности, которые удалось нам обнаружить и которые исследователи, вооружившись подобной методикой, с успехом могут умножать.

Разработка методики проводилась в разрезе важной теоретической проблемы монодийного искусства — системы осмогласия, по-русски, или октоихоса, по-гречески. Осознание системы ихоса или гласа, как непрерывно действующего механизма организации византийского и древнерусского пения, делает уловимым различие византийской и древнерусской невменной практики XII в. При этом надо иметь в виду, что становится понятным не столько конкретное интонационно-высотное наполнение древней русской монодии XII в., хотя и об этом можно сделать несколько обоснованных предположений, сколько сам механизм связи культур на логическом и нотационном уровне.

Материалом исследования стали авторские и безымянные трактаты по теории византийской музыки XI–XVI вв., практические певческие руководства по византийской музыке (Пападики) и по древнерусской музыке (азбуки), труды византиноведения XX в. о системе ихоса, исследования по проблемам адаптации текста и нотации византийской гимнографии на русской почве, певческая книга Стихирарь декабря месяца в 104 знаменных рукописных источниках и служба Варваре-великомученице (пам. 4 дек.) в 14 византийских источниках XIII–XVI вв. и 35 древнерусских знаменных источниках XII–XVII вв., исследования, посвященные структуре мелодико-графических формул монодийного искусства, уставная и агиографическая литература.

Не имея возможности в рамках краткой статьи привести все содержание большого исследования, ограничусь основными выводами.

Как выяснилось, собственно византийская музыкальная теория не представляла ихос в виде простого звукоряда, как могло бы показаться из более поздних научных трудов. Византийские трактаты Мануила Вриенния, трактат “Агиополитес”, труды Кукузеля, Плусиадина, Хрисафа, иеромонаха Гавриила, византийские Пападики в той или иной степени указывают на мелодико-графические формулы, как на неотъемлемую часть системы ихоса. Наиболее подробно формулы описаны в трактате первой половины XIV в. “Агиополитес”. Именно этот трактат позволил нам установить различия инициальных формул: ихимы (енихимы) как открывающей настройку на ихос, епихимы как завершающей

настройку и вводящей в песнопение, а также апихимы как инициальной формулы в целом. Этот же трактат показал восприятие византийскими музыкантами формул в качестве не только инициальных, но и заключительных, выразившееся в термине “апофесеис”, не выявлявшемся ранее. Иными словами, в самом начале своего существования византийская теория оперировала понятием ихоса как комплексным явлением. Мелодический смысл теоретических дифференциаций инициальных формул очевиден из певческого упражнения Кукузеля и Пападики.

Трактат иеромонаха Гавриила позволил показать структуру ихоса как системы, в которую входят “гнористике” (опознавательные) и “делотике” (объясняющие) идеи. К опознавательным идеям Гавриил относит категории звукорядно-опорного порядка: месос, тетрафония, наос, а к объясняющим — понятия эйдоса тетрафонии, вида тетрафонии, или вида диатоники, то есть категории ладового наклона и тесно связанные с ними понятия напева, формулы.

Кроме того, мы провели собственный анализ расшифровок стихир 2-го ихоса по работам Н.Ульф-Мюллер и К.Флороса, который подтвердил, что ладовый контур строк, сформированный на основе ядер певческих формул, соответствует системе ладовых опор ихоса, закрепленных в его ихимах. Более того, в заключительных формулах ихоса повторяются ключевые невмы ихим ихоса, которые, в свою очередь, завершают знаки сигнатуры ихоса. Так выявляется взаимообусловленность всех элементов ихоса как системы.

Такой подход к изучению ихоса, на наш взгляд, является новым, так как показывает, что комплексное осознание ихоса, существовавшее в византийских источниках, постепенно было утрачено и только недавно начало восстанавливаться вновь с попытками Г.Амаргианакиса и Н.Шедт включить формулы как индикаторы ихоса в его структуру. На основе собственно византийского музыкознания выстраивается модель структуры ихоса, отвечающая нашим предварительным анализам певческой византийской практики по опубликованным расшифровкам.

Исследуя взаимосвязь понятий ихоса и гласа на основе изучения как византийской, так и древнерусской теории и практики, мы пришли к выводу, что *принцип связи компонентов системы практически одинаков и в гласе, и в ихосе.*

При этом надо иметь в виду, что древнерусская теория музыки, как и византийская, была ориентирована в самых ранних азбуках не только на показ знаков, на чем иногда настаивают некоторые исследователи, но и на показ певческих формул. Самые

ранные из известных азбук всегда включают в свой состав кулизму, колесо, паук, перевяску, целый ряд фит и т. д. И хотя практически все русские ученые говорили о роли формул, а В.Металлов первым обосновал принцип формульности как ведущий для системы осмогласия, на научном уровне включение формульности в систему гласа долго не было сделано. Рабочее включение мелодико-графических формул в систему гласа на основе комплексного метода было сделано в монографии автора настоящей работы³. Было показано, что в знаменном распеве существуют только четыре кадансовых архетипа, формирующих заключительные формулы: кулизма, колесо, грунка, долинка, — ряд из них относятся к древнейшим. При этом мелодика попевок обусловлена закономерностями ладо-опорной структуры гласа, подобно византийской монодии. В работе установлены закономерности структуры первых пяти гласов осмогласия на материале певческой книги Октоих XVI–XVIII вв.

В настоящей работе, обратившись к одной из древнейших певческих книг — Стихирарю, — мы не нашли нотационно-попевочных отличий в структуре гласов по сравнению с Октоихом. Наше внимание было обращено к песнопениям, главным образом, 2-го и 6-го гласов, так как мы располагали значительным нотационным, как невменным, так и нотолинейным материалом по 2-му и 6-му византийским ихосам из работ Н.Константиновой Ульф-Мюллер и Г.Амаргианакиса. Метод диахронного исследования был возможен благодаря точному соответствию 13 византийских и 35 русских списков одной службы, где шесть песнопений из восьми написаны в указанных гласах. На материалах Стихираря мы специально обратили внимание на закономерности формул знаменного пения, которые тщательно изучаются целым рядом ученых: А.Кручининой, Б.Карастояновым. Важно отметить, что трактовка формулы как состоящей из подвода и изменяемого кадансового архетипа, очень важная для оценки кадансовых построений формулы, не исчерпывает все ее содержание. *Значение формулы как мелодической модели, отражающей ладовый контур гласа и записываемой вариантно*, было показано отчасти еще в работах М.В.Бражникова и Й.Гарднера. Именно оно позволяет обнаружить неповторимое своеобразие каждого гласа в “моделях” попевок. Именно это значение формулы, при всей явной общности структурных закономерностей ихоса и гласа как систем, позволяет выявить различия конкретного наполнения этих систем.

Как же это различие можно выявить?

Действительно, системы ихоса и гласа структурно включают одни и те же подсистемы: звукорядно-опорную, формульную и ладовых наклонений. В какой-то степени условно это можно показать в следующей схеме, где приведена терминология каждой из систем отдельно:

ГЛАС (ИХОС)

	“гнористикe” идеи	“делотикe” идеи
	<i>подсистемы</i>	
опорно-звукорядная	формульная	ладовых наклонений
	в ихосе:	
месос, тетрафония	ихиматос	соотношение вида
наос	апофесеис	или других фригийских, дорийских и т. д. тропов
	в гласе:	
объем звукоряда	попевки, фиты, лица	сочетание тех или иных
побочные опоры	(согласно	больших, малых или
неустои	композиционным функциям)	укосненных ладов.

Именно эта структурная общность позволяет проводить *сравнительные диахронные исследования адаптационных изменений в русском знаменном распеве на системном уровне*. Однако невозможность достоверной расшифровки ранней знаменной нотации делает неприемлемыми сравнительные исследования на уровне звукорядно-опорной и ладовой подсистем. Единственно доступным и объективным уровнем сравнительных диахронных исследований остается уровень мелодико-графических формул. Вооружившись методикой лингвостатистики, разработанной Р.М.Цейтлин по отношению к раннедревнерусским текстам, рассмотрев систему византийского 2-го ихоса, русского 2-го гласа как XII, так и XV–XVIII вв., мы установили следующее. Формульная подсистема 2-го гласа с самых ранних рядовых рукописей XII в. опирается на заключительные формулы:

мережа $\cup \text{ / } = \backslash =$ (производную от архетипа “колесо”, по систематизации А. Кручининой)

кулизма $= \cup = \backslash =$

грунка $= \text{ / } = \backslash =$

срединные: срединка $\backslash = \text{ / } =$

самостоятельность русской формульной подсистемы гласа. Эту же самостоятельность подтверждает и характер применения в русских знаменных рукописях XII в. мелизматических формул — фит. Из восьми фит службы Варваре-великомученице только три найдены в византийских архетипах службы.

Отличия нотационных систем на уровне формульных подсистем XII в. в ихосе и гласе позволяют сделать один важный вывод. Поскольку структуры ихоса и гласа совпадают, однако отсутствие объективных критериев дешифровки лишает нас возможности провести сравнительное исследование звукомерно-опорных и ладовых подсистем ихоса и гласа, а все подсистемы ихоса или гласа характеризуются взаимообусловленностью, — *отличия формульных подсистем ихоса и гласа подтверждают различия ихоса и гласа в XII в. в целом как систем.* Это означает, что проведение расшифровок ранней знаменной нотации XII в. только на основе византийских образцов не представляется возможным. *Необходимо учитывать собственную нотационную систему, в значительной мере сложившуюся уже в XII в.*

Существующие сегодня два пути расшифровки: от средневизантийской к палеовизантийской, а от нее к русской нотации, и от поздних расшифровываемых образцов знаменного распева к более ранним — способ, основывающийся на неизменности композиционных функций и графики заключительных формул, — разрабатываются в науке каждый отдельно, в то время как они нуждаются во взаимодействии, подобно самому взаимодействию византийской и древнерусской культур, создавшему к XII в. некий музыкальный синтез. Применение этих методов должно осуществляться в зависимости от композиционных функций формул и входящих в ее состав знаков. В связи со сказанным, сегодняшние расшифровки знаменного распева XII в. могут расцениваться лишь как реконструкции. Вместе с тем, неизменность композиционных функций и графики у ряда формул с XII по XVIII в. позволяет предполагать сохранение хотя бы остова канонизированных мелодических моделей этих формул.

Примечания

¹ Раузовский Д., прот. Церковное пение в России. — М., 1867. — С. 24.

² Алексеева Г.В. Проблемы адаптации византийского пения на Руси. — Владивосток, 1996.

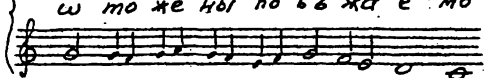
³ Алексеева Г.В. Древнерусское певческое искусство (музыкальная организация знаменного распева). — Владивосток, 1983.

113 № 3 2 н. XIV в.	L L- L- \ 7: U =V = =
256 № 420 2 н. XIV в.	L L L \ 7: U =V = =
181 № 711 XV в.	L L L L \ 7: U =V = =
Поз. 45 1422 г.	L L L L 7: L L =V =
Сопр. 472 нач. XVI в.	L L .. U 7: \ =V = =
304 № 421 до 1528 г.	L L .. 7: \ =V = =
304 № 411 30% XVI в.	L L .. U 7: \ =V = =
304 № 414 Бум. 1558 г.	L L- .. L 7: \ =V = =
669/926 Бум. 1557 г.	L L .. U 7: \ =V = =
113 № 262 сер. XVI в.	L L .. U 7: \ =V = =
178 № 766 к. XVI-н. XVII в.	7 7: L 7: \ =V = =
586/843 не позднее 1586 г. (по Н. Серезиной)	L L .. U 7: \ =V = =
379 № 64 Бум. 1656 г.	$\frac{F}{\text{же}}$ $\frac{P}{\text{но}}$ 7: \ $\frac{U}{\text{по}}$ $\frac{V}{\text{е}}$ = = $\frac{=}{\text{но}}$
381 № 317 к. XVII в.	L L $\frac{U}{\text{е}}$ 7: \ =V = =

ω то же но по е з жа е мо

Summary

Having studied the echos-glas system in a wide circle of sources, both theoretical (Byzantine treatises on music, Russian Azbuki) and musical (Byzantine and Russian neumatic manuscripts of the 12-17th centuries) the author comes to the conclusion of the independent development of Russian glasy. Their distinctive features still ignored by some scholars are already obvious in the 12th century and should be taken into consideration while transcribing early Russian neumatic notation.